© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819–3625 №15(2), 2010

Ирмина Матоните, Виктор Мартинович

Россия, Турция и США как внешние угрозы единству Европейского союза: анализ представлений национальных элит

Существуют ли в современном мире иные угрозы, кроме воображаемых? Точнее, коллективно воображаемых? Военное вторжение в Ирак, базировавшееся на сконструированном представлении[1] о том, что эта страна обладает оружием массового поражения (которого там не оказалось), – пример того, как далеко может порой зайти реагирование на воображаемые угрозы.

Исходя из субъектной посылки можно говорить о том, что именно воображаемые угрозы лежат в основе большей части конфликтов последнего времени. Причем речь здесь идет не только о медийно-манипулятивном измерении воображаемых угроз – таком, например, как навязывание российскими телеканалами (Первый канал России, 2008) и прессой (Кукол, 2008*; РБК daily, 2007; Российская газета*, 2008) представления о том, что Грузия не безопасна для России, накануне ввода российских войск на территорию Грузии, – но и о влиянии воображаемых угроз на действия элит. Очевидно, что, сколь достоверными ни были бы разведывательные данные о лагерях талибов в Афганистане, представление о том, что именно эти талибы угрожают национальной безопасности США или Евросоюза является в значительной степени воображаемым.

Воображение об угрозе, которую несет российскому энергетическому транзиту трубопроводная система Украины и Беларуси, заставило Россию начать реализацию дорогостоящих проектов строительства транзитных путей в обход этих стран. И на этой первоначальной, субъектной стадии существования воображаемые угрозы могут никак не коррелировать с моделью неких действий других субъектов, которые их якобы порождают. На мотивацию субъек-

[1] См. примеры конструирования этого представления в медиа: *Guardian*, 2003; Khidir, 1998; *The New York Times*, 1993; McGee, 1990.

тов – генераторов угроз в свою очередь влияют воображаемые угрозы партнеров и их готовность предпринять вполне реальные действия конфликтного характера.

В современных международных отношениях и, соответственно, в политологии всё больше внимания уделяется воображаемым угрозам и их влиянию на политические решения. Так называемые security studies плодотворно обогащаются постулатами из социального конструктивизма и даже психологии (социальной психологии и психоанализа). Например, бурную интеллектуальную и медийную реакцию вызвали публикации социального философа Славоя Жижека, утверждающего, что американская политика против оси зла основывается на воображаемых угрозах и мобилизации положительного публичного мнения, которое конструируется при помощи СМИ: «*Дело не в войне или мире, дело в неизбывном интуитивном ощущении, что с этой войной что-то не так, что с началом ее что-то необратимо изменится*» (Жижек, 2003).

Далее он приводит пример из Лакана, чтобы подчеркнуть воображаемый характер иракской угрозы США: «*Одно из скандальных утверждений Жака Лакана заключается в том, что, даже если то, что ревнивый муж говорит о своей жене (что она спит с первым встречным), это правда, то его ревность не становится от этого менее патологической; точно так же можно было бы сказать, что, даже если большинство нацистских утверждений относительно евреев было правдой (они эксплуатируют немцев, они соблазняют немецких девушек...), их антисемитизм по-прежнему оставался бы (и был) патологическим – потому что так вытесняется истинная причина того, что нацисты нуждаются в антисемитизме для сохранения собственной идеологической позиции. И то же самое следует сказать сегодня в отношении американского заявления о том, что "у Саддама есть оружие массового поражения!" – даже если это утверждение истинно (и в какой-то степени оно, возможно, таковым и является), оно по-прежнему остается ложным в том, что касается той позиции, с которой оно произносится*» (Жижек, 2003).

Здесь же мы представим результаты исследования, не объясняющие уже существующие в воображении элит четырех европейских стран угрозы, но показывающие их связь с политическими, культурными и социальными параметрами, характеризующими эти элиты. Полученные данные отражают отношение элит Литвы, Польши, Бельгии и Германии к «проблеме России», потенциальному вступлению Турции в ЕС, а также чересчур плотному взаимодействию отдельных стран Европы с США. При этом опрошенные политики придерживаются как левых, так и правых взглядов, отражают и консервативное, и либеральное видение национальной и европейской идентичностей, выступают за социальное и рыночное развитие ЕС. Предполагается, что наш анализ прольет свет на предмет воображаемых угроз как важный фактор, который определяет политические решения и политико-

культурные процессы, в том числе конструирование и проявление коллективных идентичностей.

I. Предположения «реалистов» в европейских исследованиях

В литературе школы реализма по международным отношениям понятие «угроза» характеризуется как ситуация, в которой индивид или социальная группа могут или намереваются вызвать негативные последствия для другой группы (Davis, 2000: 10). Подобно этому, школа конфликтов в социологии во всех социальных процессах видит источник потенциальной угрозы, так как между взаимодействующими группами всегда есть определенная асимметрия власти (Sherif, 1966).

Исторически Европейское сообщество было создано реалистично и рационально, исходя из конфликтов того времени, и развивалось как структурно-функциональное пространство. Целью интеграции было сближение национальных политических и экономических систем, чтобы избежать (или уменьшить) возникшие во второй половине XX в. внутренние и внешние угрозы. Особенно это касалось экономической конкуренции на свободном рынке, а также ядерной энергетики.

Но с течением времени ЕС стал не только функциональным инструментом для решения актуальных проблем, но и политическим проектом, отличающимся своеобразными идеологическими, экономическими и социокультурными чертами (Hooghe and Marks, 2008). Чтобы вникнуть в процесс европейской интеграции, следует обратиться к подходу социального конструктивизма, который концентрируется на установках (ценностях), осознании и восприятии социальных ситуаций. Это в полной мере касается и стратегического, и тактического политического выбора элиты, основой которого являются восприятие и интерпретация социальных ситуаций.

Здесь важны исследования динамики социальных процессов, в которых изучаются многослойные цепные реакции. Такие реакции закрепляют (на долгое или короткое время) те или иные институциональные решения и распространяют (более или менее устойчивые) социальные ценности, которые, в свою очередь, обосновывают своеобразное восприятие явлений и связанных с ними ожиданий, которые считаются важными для общества (Jupille et al., 2003: 15).

Даже если европейская идентичность не нуждается в конструировании через Другого (т. е. создается скорее через искушение, чем через необходимость), европейские исследования часто вовлекаются в непростой поиск Другого, который мыслится как нечто, сдерживающее ЕС извне или дестабилизирующее союз изнутри (Risse, 2001; Wodak, 2004). С постструктуралистской перспективы и относительно строительства европейской идентичности Томас Диез разработал четырехслойную типологию *отчуждения*: репрезен-

тация Другого как экзистенциальной угрозы (securitisation); репрезентация Другого как чего-то внутреннего; репрезентация Другого как нарушителя универсальных принципов; репрезентация Другого как отличного (Diez, 2005: 628). Диез утверждает, что в центре ключевых ценностей, принципов и норм ЕС лежит проблема *отчуждения*, и европейское самосознание всё время строилось параллельно с конструированием Другого (Diez, 2005: 617).

В сфере международных отношений и исследований национальной безопасности широко распространено понимание, что самоутверждение людей и демократическое качество политического режима зависят от социального распознания *инаковости* (Connolly, 1991: 8). Исследования на тему американской внешней политики и политики безопасности (Campbell, 1998) демонстрируют важность конструирования *инаковости* как оппозиции более двусмысленным определениям идентичности изнутри государства и правительственного дискурса. Действительно, следуя за логикой дискурс-анализа, основными фокусами социального конструктивизма являются нормативная власть в Европе и ее способность создавать концепции нормального (Manners, 2002: 235–258). Европейские исследования также показывают, что распознанные угрозы не только мотивируют протекционистское поведение (такое как контроль границ, ограничение прав иммигрантов и т. п.), но также предоставление помощи со стороны ЕС (Šešelgytė, 2007).

Элиты (особенно лидеры политических партий в условиях демократии) в политической науке обычно воспринимаются как влиятельные распространители идей (включая создание коллективных идентичностей), которые действуют направленно и стремятся к приобретению власти или продолжению пребывания при ней, навязывая и закрепляя в обществе отдельные ценности и взгляды. Но предположение, что национальные элиты и политическая элита Европейского союза руководствуются стратегическим мышлением и целесообразными политическими действиями, по всей видимости, преувеличено.

Историки ЕС описывают разные события, которые так и не состоялись, недоразумения в кругу политической элиты и пропущенные возможности при создании единой Европы. С точки зрения научного исследования обнаружить субъективные предпосылки и основы стратегического мышления и действий элит возможно только в ретроспективе, когда видно то, что уже случилось, и соответственно можно дедуцировать, на каких взглядах и ценностях были основаны те или иные сценарии. В данной работе мы концентрируемся на «становлении элиты Европы» и синхронно наблюдаем за этим процессом как происходящим в определенный момент, а не объективно существующим в последовательном течении времени.

Такая позиция анализа позволяет идентифицировать репертуар уста-

новок элиты, а также обнаружить его внутренние закономерности и связи. Таким образом, мы избегаем категоричного подчеркивания взаимосвязи «причина (установки элиты) – следствие (принятые решения)» и концентрируемся на соотношении ценностей элиты с усиливающимся политическим фактором Европейского союза, который по существу меняет контуры национальных идентичностей и консолидирует уникальную политическую позицию и видение будущего.

II. Конструирование идентичности Европы и определение «угроз»

Теория социальной идентичности утверждает, что в обществе постоянно осуществляются конструирование и уточнение коллективной идентичности, так как индивиды автоматически склонны причислять себя к определенным категориям и создавать группы «мы» и «они», принимая (и меняя) нормы, убеждения, ценности, взгляды и поведение этих групп. Такая социально-психологическая склонность к коллективной идентичности связана с опасением, что лица, не принадлежащие к определенной группе, могут намереваться причинить вред членам этой группы (Rousseau and Garcia-Retameo, 2007: 747).

На уровне анализа индивидов психологи изучают, как люди воспринимают угрозы и каким образом связывают их с пониманием себя, самооценкой, самоуверенностью и др. Некоторые исследователи, воодушевленные психоанализом Фрейда, утверждают, что отсутствие воображаемых угроз и врагов невозможно в принципе, так как на личность влияют не только осознанные и рационально определенные угрозы, но и фобии, беспокойство, исходящее из подсознательного уровня. Представители социальной психологии отмечают, что каждая социальная группа неизбежно опознает и находит угрозы, и такое опознание и признание являются неотъемлемой частью коллективной идентичности.

Коллективное восприятие возможных угроз может происходить двумя способами: 1) охватывать (и таким образом еще более сплачивать, объединять) всю группу или 2) разбивать группу, различая угрозы в рамках самой группы. Понятие коллективной угрозы (ее интенсивность, масштаб) зависит от того, как воспринимается и интерпретируется несоответствие сил в отдельных группах или их подгруппах.

В данной работе мы анализируем взгляды национальных элит, утверждая, что процесс европеизации (направленное и интенсивное создание политического сообщества Европы) начался усилиями национальных элит и в данный момент (начало XXI в.) происходит во всем Европейском союзе.

Единство ЕС является условием sine qua non для принятия любого осмысленного политического решения от имени Европы. В окружении элит существующее осмысление угроз единству Европы передает чувство принадлежности национальных элит

наднациональному политическому обществу и стремление к заботе о его благополучии.

Можно определить два типа угроз единству ЕС: 1) внешние угрозы, вытекающие из других стран и/или конфликтных отношений с ними; 2) угрозы, вытекающие из внутренних факторов (к примеру, увеличение числа иммигрантов, растущие национализм, социальное или экономическое неравенство между странами и т. п.). В данной работе мы концентрируемся на первом типе угроз. Названные угрозы единству интерпретируются в контексте формирования идентичности ЕС и в контексте европеизации стран-членов.

В этом исследовании[2] рассматриваются угрозы, исходящие из трех стран, которые не входят в ЕС, но и не являются открытыми врагами объединенной Европы: Турции, США и России.[3] В анкете опроса три внешние угрозы определены как значимые иные (significant other), воплощающие в себе «агрессоров проекта Европы». Респондентов просили оценить степень опасности данных угроз по четырехбальной шкале. В анкете Россия представляется как весьма враждебная Европейскому союзу страна – из-за ее вмешательства в политические дела ЕС. США сами по себе в принципе не являются угрозой, но предполагается, что особо тесные отношения между некоторыми странами ЕС и Соединенными Штатами могут представлять опасность для европейского единства. Турция, официально начавшая в 2005 г. переговоры о членстве в ЕС, определяется как особенный вызов, дестабилизирующий принципы «европейского мышления», направленные на культурное единство (христианские традиции) и углубление региональной экономической интеграции. Вызов, который заставляет пересмотреть границы и ценности ЕС.

Для сравнения мы выбрали две новые страны ЕС, которые в годы холодной войны принадлежали блоку Варшавского договора (Литва и Польша), и двух старых членов – основателей ЕС (Бельгию и Германию). Отобранные страны отличаются своими размерами, уровнем

[2] Данные исследования были получены при осуществлении проекта «IntUne» весной 2007 г. Опрос проводился на основе репрезентативной выборки политической и экономической элиты в семнадцати странах ЕС и Сербии. Детальный список стран, охваченных исследованием, представлен на официальном сайте проекта: www.intune.it. Респондентов просили ответить на вопросы об их идентичности, восприятии компетенции европейских органов, а также уточнить детали, связанные с личной карьерой, политическим опытом, социальными и демографическими характеристиками. Для опроса в каждой стране было отобрано 80 представителей политической элиты из нижней палаты парламента и 40 представителей экономической элиты. Выборка экономической элиты составлена из руководителей крупнейших предприятий (на основе списка наиболее доходных по итогам 2006 г.), банков и ассоциаций бизнеса (в каждой стране было опрошено 6–12 руководителей самых крупных ассоциаций бизнеса). Выборка политической элиты определена с учетом репрезентативности по полу, возрасту, партийной

экономического развития, продолжительностью опыта социального благосостояния и демократии, а также имеют разный вес в принятии решений в институциях ЕС. Таким образом, выбранные страны представляют достаточно разные кейсы. С другой стороны, они являются соседями.

В этом исследовании мы не обращаем внимания на историю отдельных стран и не утверждаем, что в одних странах западные или европейские ценности имеют большее значение, чем в других. Мы также не утверждаем, что у жителей этих стран существует общая коллективная память или коллективное воображение.

III. Гипотезы

Наше основное допущение основано на *социальном конструктивизме*: мы утверждаем, что между элитами Бельгии, Германии, Польши и Литвы не существует общего восприятия внешних угроз единству ЕС. Мы также утверждаем, что главными факторами, определяющими восприятие элитами опасности для единства ЕС, являются политические взгляды и политический опыт отдельных стран в недавнем прошлом.

В первую очередь, мы «реалистично» считаем, что в сравнении взглядов элиты в разных странах важной является недавняя история межгосударственных отношений. Ведь сама идея создания ЕС была основана на попытке преодоления исторически сложившихся враждебных отношений между соседними странами. По этой причине мы предполагаем, что элиты «новых стран», раньше формально принадлежавших военному блоку Варшавского договора, должны быть скептически настроены по отношению к роли России в Европе и, вероятно, будут считать вмешательство этой страны в политические дела Евросоюза угрозой единству. В то же время, элиты «старых» стран (основателей ЕС) не должны чувствовать такого опасения по отношению к России. Для них большее значение будет иметь присоединение Турции и/или близкие отношения между некоторыми странами ЕС и США. Подобные отношения потенциально повышают напряжение в политическом сообществе Европейского союза и, таким образом,

принадлежности, опыту работы в парламенте и участию в политике. В каждой стране было опрошено не менее 15–25 опытных политиков: бывшие и действующие министры, председатели парламентов, их заместители, руководители фракций, комитетов и комиссий. В странах, имеющих немногочисленные парламенты (к примеру, в Эстонии, Бельгии и Литве), выборка 80 политиков была достигнута через включение всех парламентариев, начиная с тех, чей политический опыт больше.

[3] Вопросы, которые задавались респондентам, были следующими: «Как Вы думаете, является или не является принятие Турции в ЕС угрозой его единству?»; «Как Вы думаете, являются или не являются угрозой единству ЕС близкие связи между некоторыми странами ЕС и США?»; «Как Вы думаете, является или не является угрозой единству ЕС вмешательство России в дела Европы?».

создают подгруппы в потенциально единой европейской структуре.

Мы также полагаем, что левоориентированная элита более, чем правоориентрованная, должна считать угрозой единству ЕС близкие связи с США. Этот тезис мы основываем на выводах многих эмпирических исследований, свидетельствующих, что идеология левых подчеркивает важность социальной справедливости и социального благополучия (welfare state), при этом ЕС утверждает, что социальные гарантии являются одной из главных ценностей. Для США подобные ценности не характерны: основное внимание уделяется свободе индивидов, ответственности за себя и конкуренции в рамках свободного рынка (Aberbach et al., 1981).

Итак, пытаясь объяснить, почему элиты по-разному осознают угрозы, возникающие из-за тесного сотрудничества между некоторыми странами ЕС и США, мы вводим две *переменные*: идеологическая идентификация по шкале лево-право (с 0 до 10, где 0 – крайнее левое и 10 – крайнее правое) и мнение респондентов о целях ЕС, которые являются несовместимыми (1 – повышать конкурентоспособность Европы на мировых рынках, 2 – увеличивать социальные гарантии граждан).

Следующая наша гипотеза заключается в том, что политики правых взглядов больше, чем левые, склонны считать вступление Турции в ЕС угрозой единству. Эта гипотеза основана на том, что политическая доктрина правых является консервативной и подчеркивает национальные, традиционные ценности, а представители левых взглядов, напротив, больше ценят права человека и граждан, защищают идеи равенства рас и пола, культурную толерантность (мультикультурность). Интеграция Турции в ЕС значила бы присоединение страны другой культуры, что может беспокоить сторонников правых взглядов.

Таким образом, стремясь понять, почему элиты исследуемых стран поразному осознают угрозы от вступления Турции в ЕС, мы вводим две переменные: идеологическую идентификацию в рамках шкалы лево-право и переменную, отражающую мнение респондента о значимости этнического происхождения. Последний показатель отвечает на вопрос, должны ли «настоящие» представители определенной нации – бельгийцы, немцы, литовцы и поляки – иметь родителей соответствующего этнического происхождения.

И наконец, мы полагаем, что элита правых взглядов больше, чем левых, считает вмешательство России в дела Европы угрозой единству ЕС. Этот тезис мы обосновываем тем, что правая политическая доктрина подчеркивает важность сильного суверенного государства и военной мощи. Поскольку вмешательство России, в конце концов, вредит суверенитету и престижу стран ЕС, это должно осознаваться как угроза.

Разное осознание угрозы, возникающей из-за вмешательства России в дела Европы, мы объясняем следующими переменными: идеологической идентификацией по шкале лево-право и мнением респондента о перспективах ЕС, т.е. ответом на во-

прос, должен ли Евросоюз в течение ближайших 10 лет придти к единой внешней политике.

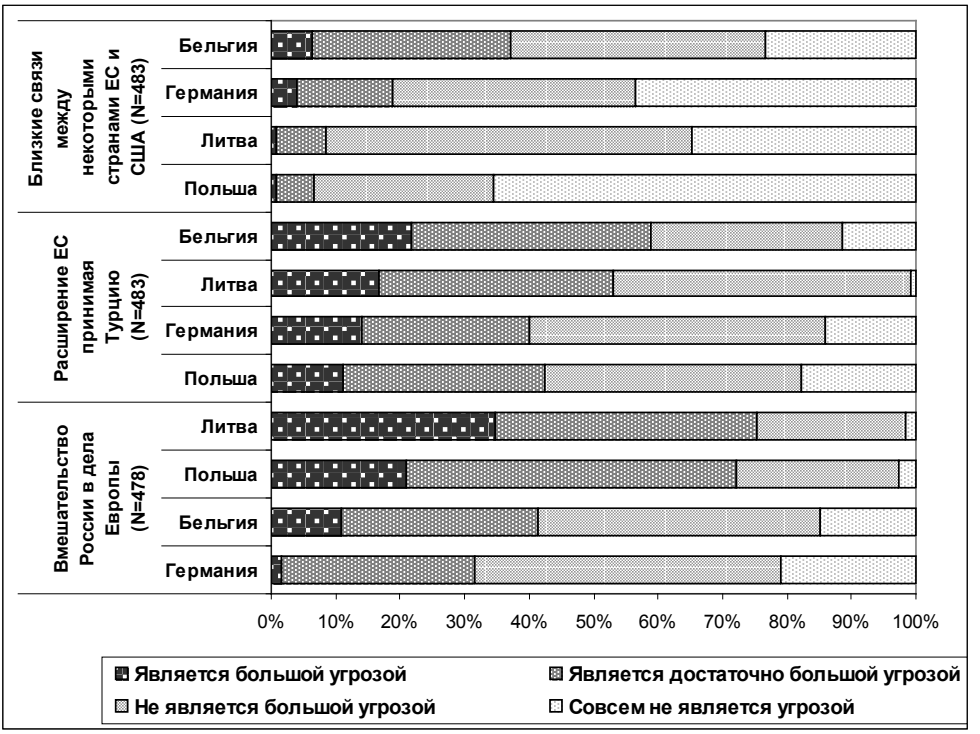
IV. Результаты

Результаты исследования убедительно показывают, что среди политических и экономических элит Бельгии, Германии, Литвы и Польши не существует единого понимания внешних угроз ЕС (см. рис. 1). Меньше всего поляризация элит проявляется в отношении интеграции Турции: число скептиков по отношению к членству этой страны в ЕС составляет среди опрошенных от 40 до 60 %. Ни одна национальная элита не считает большой угрозой единству тесные связи между некоторыми странами ЕС и США.

Оценка вмешательства России в политические дела Европы как угрозы единству ЕС является самой неравномерной и вызывает существенные разногласия между национальными элитами.

С точки зрения элит Германии и чуть меньше Бельгии, вмешательство России в дела ЕС не является или является небольшой угрозой единству. В то же время для Литвы и Польши всё обстоит наоборот: только малая часть (2 и 3 % соответственно) элит Литвы и Польши вообще не считает вмешательство России проблемой,

Рисунок 1. Восприятие внешних угроз единству Европы (опрос элит Бельгии, Германии, Польши и Литвы, 2007)



тогда как куда больший процент (40 и 25 % соответственно) видит тут большую угрозу. Опознание России как угрозы для Германии и Бельгии составляет 10 и 20 %.

Но элиты Германии и Бельгии считают значительной угрозой единству отношения между некоторыми странами ЕС и США, в то время как для элит Литвы и Польши это не является либо является небольшой угрозой. Около 40 % элит Бельгии и 20 % элит Германии считают, что близкие отношения между некоторыми странами ЕС и США влекут за собой большую или достаточно большую угрозу единству. В Литве и Польше такое мнение разделяют меньше чем 5 и 10 % элит соответственно.

Анализ показал, что отношение к вступлению Турции в ЕС не зависит от статуса страны (старые/новые члены ЕС). Элиты Бельгии и Литвы видят тут большую (20 % и 15 % соответственно) и достаточно большую (40 %) угрозу. Для элит Германии и Польши интеграция Турции является небольшой угрозой (45 и 40% соответственно) или вовсе не представляет угрозы (25 и 18% соответственно).

Отметив эти немаловажные различия между взглядами национальных элит на внешние угрозы единству ЕС, мы возвращаемся к более детальному анализу, стремясь понять, как политические идеологии и другие социальные и политические убеждения воздействуют на взгляды элит по отношению к внешним угрозам (см. табл. 1).

Оказывается, идентифицирующие себя с правыми элиты во всех четырех странах считают присоединение Турции к ЕС большой угрозой единству: среднее значение политической идентификации тех, кто считает, что интеграция Турции является большой угрозой, составляет 6,72 в сравнении с 5,35 тех, кто не считает это угрозой.

Похоже, элиты, считающие вмешательство России в дела Европы большой угрозой, чаще принадлежат к лагерю правых, а считающие, что Россия не несет угрозы, – левых. Средний показатель политической идентификации в этих группах соответственно 6,68 и 5,66.

Элиты, которые видят угрозу единству в близких отношениях между некоторыми странами ЕС и США, чаще всего относят себя к политическим левым, в противоположность тем, кто считает, что это не несет никакой угрозы. Средний показатель политической идентификации в этих группах соответственно 5,14 и 6,42.

Элиты, поддерживающие идею утверждения общей внешней политики ЕС в отношении третьих стран в течение ближайших 10 лет (с 1 – абсолютно против до 4 – абсолютно за), больше склонны видеть вмешательство России в дела Европы как значимую угрозу. Те, кто воспринимает Россию как угрозу единству ЕС, сильнее поддерживают идею общей внешней политики (3,46), чем те, кто не считает Россию угрозой (соответственно, показатель их поддержки единой внешней политики ЕС ниже – 3,38).

Таблица 1. Взаимосвязь идеологических, социальных и политических убеждений элит и восприятия внешних угроз (Бельгия, Германия, Польша и Литва, 2007)

Угрозы единству Европы		Позиция по шкале лево/право (средний бал)*	Оценка видения будущего ЕС: взгляд на общую внешнюю политику (средний бал)**	Важность этнического происхождения родителей в восприятии «настоящего соотечественника» (средний бал)***	Главная цель ЕС (условная часть)****	
					Повышение конкурентоспособности рынка ЕС	Гарантирование более качественного социального обеспечения
Близкие связи между некоторыми странами ЕС и США	Совсем не являются угрозой	6,42			0,50	0,22
	Не являются большой угрозой	5,44			0,39	0,48
	Являются достаточно большой угрозой	4,97			0,10	0,22
	Являются большой угрозой	5,14			0,01	0,08
Расширение ЕС, принятие Турции	Совсем не является угрозой	5,35		2,36		
	Не является большой угрозой	5,44		2,70		
	Является достаточно большой угрозой	5,87		2,85		
	Является большой угрозой	6,72		2,73		
Вмешательство России в дела Европы	Совсем не является угрозой	5,66	3,38			
	Не является большой угрозой	5,06	3,32			
	Является достаточно большой угрозой	6,02	3,33			
	Является большой угрозой	6,68	3,46			

Примечания:

* Средний бал по шкале с 0 – лево до 10 – право.

** Средний бал по шкале с 1 – "совершенно не согласен" до 4 – "полностью согласен".

*** Средний бал по шкале с 1 – "совершенно неважно" до 4 – "очень важно".

**** Условная часть респондентов, выбравших вариант ответа.

Важность этнического происхождения родителей (т. е. бельгийцев, немцев, литовцев и поляков) для права быть «настоящим соотечественником» измерялась от 1 – совсем неважно до 4 – очень важно. Анализ восприятия и осознания угроз, возникающих из-за вступления Турции в ЕС, показывает, что элиты, выводящие национальную идентичность из этнической принадлежности (примордиалистская установка о ключевом значении национального происхождения и кровной связи), больше склонны смотреть на Турцию как на значительную угрозу единству, в противоположность тем, для кого эти «примордиальные» черты национальной идентичности не являются важными. Средняя оценка элит, воспринимающих Турцию как угрозу единству ЕС, по шкале, важно ли иметь родителей этнического происхождения, чтобы являться «настоящим соотечественником», составляет 2,73. У тех, кто не находит угрозы единству в присоединении Турции к ЕС, средний бал примордиалистской идентификации равен 2,36.

Наконец, мы обнаружили, что почти все элиты (89 %) предпочитают создание конкурентного рынка ЕС, и во всех четырех странах элиты склонны не находить большой угрозы в тесных отношениях между некоторыми странами ЕС и США. Но элиты, высказывающиеся за социальные гарантии, склонны более скептично смотреть на близкие отношения между некоторыми странами Европейского союза и Соединенными Штатами. Каждый второй опрошенный, для которого одним из приоритетов является повышение конкурентоспособности европейского рынка, не видит никакой угрозы в тесных отношениях между некоторыми странами ЕС и США. Тем временем, только четверть элит, которые выдвигают социальные гарантии как главный приоритет, не видит никакой угрозы в таких отношениях. С другой стороны, только 10 % элит, высказывающихся за конкурентоспособность рынка, видят довольно большую или очень большую угрозу в близких отношениях между некоторыми странами ЕС и США. Эта цифра достигает 30 % в случае с элитами, которые считают приоритетными социальные гарантии.

Проведенный анализ подтверждает: наши гипотезы работают. Политическая идеология, социальные и политические приоритеты и другие социально-политические установки порождают различные взгляды на внешние угрозы единству ЕС. Для выяснения, какие из этих факторов (политическая идеология, видение роли и будущего ЕС, понимание национальной идентичности, недавний социально-политический опыт) больше всего определяют взгляды элит на внешние угрозы единству ЕС, требуется более сложный анализ.

Выводы

Общий вывод исследования: социальный конструктивизм в европейских исследованиях является полезным подходом. Эта парадигма подчеркивает роль и важность политических и культурных традиций и установок в создании коллективного

социального опыта и восприятия, а это значит, что политический опыт конструируется как результат смыслов, ценностей и выбора. Если бы объективная реальность как таковая (утверждаемая школой реализма в анализе международных отношений и теорией рационального выбора в исследованиях социального действия) существовала, то никогда не смогли бы сложиться предпосылки к настолько разным интерпретациям одной и той же ситуации по разным вопросам (Berger and Luckmann, 1999). Наблюдаемые закономерности коллективных концепций элит также показывают, что каждый индивид в отдельности не создает своей особой оценки социального окружения.

Предполагая, что коллективная идентичность (хотя бы частично) обосновывается одинаковым осознанием внешних угроз политическому сообществу, мы видим, что на уровне национальных элит европейская идентичность в данный момент является достаточно расколотой. Главная причина многообразия идентичности Европы скрывается в идеологиях элит и недавнем социально-политическом опыте представленных стран. Между национальными элитами стран ЕС существуют отличия во взглядах на угрозы единству Европейского союза, и соответственно разнятся сами определения единства ЕС, а также общих целей и видения будущего Европы.

В дальнейших исследованиях на эту тему целесообразно проанализировать черты социализации национальных элит и попытаться осмыслить закономерности их мышления, связанные с функциональным местом элит в структурах принятия решений, имеющих отношение к единству Европы. Эти факторы также должны иметь влияние на осознание угроз единству Европы и быть важными при формировании европейской идентификации.

Литература

1. Aberbach, J.D., Putnam, R.D., Rockman, B.A. (1981). «The Compass of Elite Ideology», in J.D. Aberbach, R.D. Putnam, B.A. Rockman (eds) *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Berger, P.L., Luckmann, T. (1999). *The social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, New York: Anchor.
3. Campbell, D. (1998). *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Revised edition. Minneapolis: University Of Minnesota Press.
4. Connolly, W.E. (1991). *Identity|Difference: Democratic Negotiations of Political Paradox.* Minneapolis: University of Minnesota Press.
5. Davis, J.W. (2000). *Threats and promises: The pursuit of international influence*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
6. Diez, T. (2005). «Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering "Normative Power Europe"», *Journal of International Studie*s, vol. 33 (3): 613–636.

7. *Guardian* (2003). «Our Last Occupation», 19.04.2003
8. Hooghe, L., Marks, G. (2008). «A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus», *British Journal of Political Studies*, 39: 1–23.
9. Jupille, J., Caporaso, J.A., Checkel, J. T. (2003). «Integrating Institutions: Rationalism, Constructivism, and the Study of European Union», *Comparative Political Studies*, 1/2 (36): 7–40.
10. Khidir, H. (1998). «Inside Saddam's nuclear program», *The Bulletin of the Atomic Scientists*, September/October.
11. Manners, I. (2002). «Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?», *Journal of Common Market Studies*, 40(2): 235–258.
12. McGee, M. (1990). «We have Surprize». *Der Spiegel*. 10.10.1990
13. Risse, T. (2001). «A European Identity? Europeanization and the Evolution of Nation-State Identities», in M.G. Cowles, J. Caporaso, T. Risse (eds). *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Ithaca: Cornell University Press, 198–216.
14. Rousseau, D.L., Garcia-Retameo, R. (2007). «Identity, Power, and Threat Perception. A Cross-National Experimental Survey», *Journal of Conflict Resolution*, 4 (51): 744–771.
15. Šešelgytė, M. (2007). *Europos Sąjungos bendro gynybos identiteto problema*. Vilnius: Baltos lankos.
16. Sherif, M. (1966). *Group conflict and co-operation: Their social psychology*. London: Routledge &Kegan Paul.
17. *The New York Times* (1993). «Iraq's Purchases in the A-bomb Supermarket», 18.07.1993
18. Wodak, R. (2004). «National and Transnational Identities: European and Other Identities Constructed in Interviews with EU Officials», in Richard K. Herrmann, Thomas Risse-Kappen, and Marilynn B. Brewer (eds) *Transnational Identities: Becoming European in the EU*, Oxford: Rowman & Littlefield, 97–128.
19. Воробьев, В. (2008). «Грузия применила акваоружие. Столице Южной Осетии перекрыли воду». *Российская газета*, 07.08.2008
20. Жижек, С. (2003). «Война в Ираке. В чем заключается подлинная опасность», *Логос*, 1: 34–37.
21. Кукол, Е. (2008). «Грузия пошла в отказ. И прервала переговоры о вступлении России в ВТО». *Российская газета*, 30.04.2008
22. *Первый канал России* (2008). «Грузия стягивает войска к границам Абхазии и Осетии», 17.04.2008.
23. Поморцев, А. (2007). «Тбилиси жаждет войны». *РБК daily*, 29.07.2007